

Ю.В. Мухачёв

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1920–1930-е годы

Возникновение в российской эмиграции периода 1920–1930-х годов пореволюционных политических движений привело к широкому распространению в эмигрантских политических кругах термина «пореволюционность».

Какой смысл вкладывался в этот термин? Критики пореволюционных идеологических течений в большинстве – политические деятели дореволюционного периода, т.е. представители старых политических партий и идей, действовавших в эмиграции, выдвигали против этого понятия следующие аргументы:

– пореволюционность есть категория временная, в ней нет определенного, со всяким пореволюционным периодом связанного, идейного содержания;

– так называемый пореволюционный комплекс идей не несет в себе ничего нового – в действительности он чрезвычайно дореволюционен: это славянофильство во всех его разновидностях;

– так называемые пореволюционные организации и психологически, и методологически дореволюционны: «это все тот же интеллигентный утопизм в одной сфере – и все та же кружковщина, как метод, в другой»¹.

Следует отметить, что термин «пореволюционный» даже сами представители этого течения понимали весьма условно, и те идеи, что было принято именовать пореволюционными, в сущности, не новы. Как метко отметил орган объединения пореволюционных течений – журнал «Утверждения»: «...вообще на свете ничего абсолютно нового не бывает; все “новое” есть всегда лишь новое сочетание извечно-наличествующего»².

Поэтому создавая «новое сочетание» представители пореволюционных политических течений искали в данной, небывалой и потому новой исторической обстановке проекцию этого нового идейного сочетания на современную социальную действительность. «Пореволюционная идеология для нас истинна не потому, что она

*МУХАЧЁВ
Юрий
Владимирович,
кандидат
исторических
наук,
руководитель
Центра
комплексных
исследований
ИНИОН РАН*

революционна, т.е. возникла после революции (она для нас вечна, ибо имя ей: Российская Историческая Идея); мы полагаем, что эта идеология потому и должна стать пореволюционной, т.е. реализоваться после завершения революции, что она истинна и органически связана со всей диалектикой нашей истории. Через творчество старца Филофея и Дм. Герасимова, славянофилов, Гоголя, Тютчева, Бакунина, Леонтьева, Герцена, Данилевского, Достоевского, Федорова, Бахрушева, Бердяева – до Блока, Есенина – проходит одна и та же идея: религиозно-культурной миссии России, “в пределе раскрываемой как мессианское призвание”³.

Какие же политические течения принято было относить к пореволюционным? «Таковыми (в неравной степени) надлежит признать евразийцев, устряловцев, национал-максималистов, неонародников (новоградцев), народников-мессианистов (русские фашисты) и, с известными оговорками, «неодемократов» и «младороссов»⁴.

Идеолог «национал-максимализма» князь Ю.А. Ширинский-Шихматов предпринял попытку организации политического объединения отдельных пореволюционных групп. В июле 1933 г. в Париже по его инициативе был созван съезд представителей национал-максималистов, неодемократов, «четвертороссов» и русских национал-социалистов, провозгласивший «Объединение пореволюционных течений»⁵. Свои идеологические положения «Объединение пореволюционных течений» сформулировало следующим образом: «Современное (пореволюционное) понимание Российской национально-исторической идеи настоятельно требует раскрытия:

а) христианской правды как правды социальной;

б) преобладания духовного начала как действительного преодоления всех форм современного поклонения материи (капитализм и коммунизм);

в) понятия истинного национализма как всенародного служения Богу и Миру на своих собственных исторических путях;

г) идеи пореволюционного государства как Союза Сотрудничества и Общего Дела;

д) христианской этики – как основы правосознания и права – как функции долга (право функциональное);

е) смысла Революции – как прорыва к творчеству новых форм жизни, – социальных, государственных и международных, соответствующих требованиям новой эпохи»⁶.

Печатными органами «Объединения» были журналы: «Утверждения» (издавался в Париже с 1931–1932 гг.), «Завтра» (издавался во Франции, 1933–1935, «Периодический Бюллетень Представительства Объединения пореволюционных течений на юге Франции» (издавался на гектографе в Марселе в 1933–1935 гг.)⁷.

Все пореволюционные течения ставили перед собой единую цель – претворение в жизнь «Российской Исторической Идеи» (в разных ее преломлениях), солидарны были и в том, что просеивали эту Идею на современную им советскую действительность, в качестве исходной точки для дальнейшего строительства. Что касается путей этого строительства – то в этом вопросе имелся ряд вариантов, как идеологического, так и программно-тактического характера.

Но единой пореволюционной идеологии никогда не существовало, и она реально никогда не могла возникнуть и объединить русскую «пореволюционно настроенную» эмиграцию. Безусловно, можно установить комплекс идей, созвучных новой «пореволюционной эпохе» и принимаемых не как отдельные звенья чьей-то программы, а как фон для различных программ, как ряд утверждений, сближающих, в общем, представления о новой России людей самых различных направлений. Поэтому трудно признать только случайностью тот факт, что почти в одно и то же время, без всяких «предварительных до-

говоренностей), зазвучали одни и те же мысли в Харбине и в Софии, Берлине и Париже, отражая в разных аспектах одну и ту же реальность: назревшую актуализацию идеи исторической миссии России.

В конце 1921 г. заявляет о себе политическое течение «сменовеховцев», название которому дал сборник статей «Смена вех», вышедший в Праге в июле 1921 г. (авторы: Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобришев-Пушкин, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин). Вскоре сборник был перепечатан в Советской России. Дальнейшие издания «сменовеховцев»: одноименный еженедельник «Смена вех» в Париже – 20 номеров – с 1921 по 1922 г. под редакцией Ю.В. Ключникова, газета «Накануне» – Берлин, 1922–1924 гг. Сменовеховские издания выходили в Софии («Новая Россия»), Харбине («Новости жизни»), Гельсингфорсе («Путь»), Риге («Новый путь»).

Один из участников сборника «Смена вех» Н.В. Устрялов в марте 1934 г. в статье «Сдвиги П.Н. Милокова» писал о своей политической позиции начала 1920-х годов, называя ее «национал-советской»: «...той, на которую пишуший эти строки перешел 14 лет назад, в начале 1920 г., и которая через год была закреплена так называемым «сменовеховским» движением...»^{8,9}.

В 1920 г. Н.В. Устрялов издал книгу «В борьбе за Россию», в которой, по сути дела, определились основные направления «сменовеховства», развитые затем в сборнике «Смена вех» и позднее в его книге «Под знаком революции» (Харбин, 1925).

Основные проблемы, поставленные в сборнике «Смена вех» и ставшие одновременно основными проблемами, рассматриваемыми «сменовеховским» политическим течением:

1) русская революция, ее эволюция и эволюция большевизма;

2) национально-государственные задачи России;

3) проблемы возвращения русской эмиграции.

И Н.В. Устрялов и остальные участники сборника после размышлений над событиями недавнего прошлого пришли к однозначному выводу: «Россия переживает не переворот, не бунт, не смуту, а именно великую революцию со всеми характерными ее особенностями». Великой же она стала лишь к ноябрю 1917 г. В марте слышался только «революционный лепет» и виделись «робкие шаги родившегося общественно-политического обновления; – буря пришла потом, и только на мрачном зловещем большевистском небе засверкали ослепительные зарницы»¹⁰.

Одним из основных положений «сменовеховства» было признание «национального характера русской революции». 13 августа 1920 г. в статье «Два страха» (газета «Новости жизни», Харбин) Устрялов писал: «...Какое глубочайшее недоразуменье – считать русскую революцию не национальной! Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли. Разве не началась она, революция наша, и не развивалась через типичнейший русский бунт “бессмысленный и беспощадный” и с первого взгляда, но всегда таящий в себе какие-то нравственные глубины, какую-то своеобразную “правду”? Затем, разве в ней нет причудливо преломленного и осложненного духа славянофильства? Разве в ней мало от Белинского? От чаадаевского пессимизма? От печеринской (чисто русской) “патриофобии”. От герценовского революционного романтизма (“мы опередили Европу, потому что отстали от нее”)? А писаревский утилитаризм? А Чернышевский? А якобинство ткачевского “Набата” (апология “инициативного меньшинства”)? Наконец, разве на каждом шагу в ней не чувствуется Достоевский? Достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеши Карамзова? Или быть может, оба они – не

русские? А марксизм 1890-х годов, руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями русской идеи, Булгаковым, Бердяевым, Струве? А Горький? А “соловьевцы” Андрей Белый и Александр Блок?.. Я мог бы органическую связь каждого из крупных интеллигентских течений прошлого и нынешнего века с духом великой русской революции подтвердить документально. Факт этой связи не подлежит никакому сомнению, как бы его не оценивать, как бы к нему не относиться»¹¹.

Признание «национального характера русской революции» в то же время не означает, по мнению «сменовеховцев», необходимость полного и безусловного примирения большевизма, полного примирения с ним; должны лишь существенно измениться методы его преодоления. «Его не удалось победить силой оружия в гражданской войне – оно будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира...». Революционный процесс должен пойти в сторону от ортодоксального экспериментаторства к экономическому возрождению государства, процесс этот идет не против революции, а через нее, так как «большевики стали государственной и международной силой», «старая мощь России может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции и поныне пребывающими в ней»¹².

Новая экономическая политика воспринималась вестниками пореволюционной идеологии как переход от революционно-романтизма к будням повседневной жизни, как поворот пореволюционного большевизма от утопии к прозе жизни. Казалось, налицо все признаки этого поворота: раньше был «немедленный коммунизм», – «сейчас возрождается частная собственность, поощряется “мелкобуржуазная стихия”, и о государственном капитализме говорится, как о пределе реальных достижений. Была “немедленная мировая революция”: сейчас – в порядке дня “ориентация на мировой капитализм”. Был воинствующий атеизм; сейчас – в расцвете “компромисс” с церковью. Был

необузданный интернационализм; сейчас – “учет патриотических настроений”. Был правожернейший антимиитаризм; но уже давно гордость революции – Красная Армия...»¹³.

Они с облегчением думали о том, что «максимальное каление революции, ее всепожирающей и всеочищающей огонь, позади»¹⁴.

Было ли «сменовеховство» пореволюционным течением российской политической эмиграции? Со всей категоричностью утверждать этого не следует, так как «сменовеховцы» строили свои прогнозы в русле дореволюционной, социал-демократической традиции, согласно которой будущая революция в России повторит основные характерные признаки Великой французской революции 1789–1794 гг. «Сменовеховцы» ошиблись во временном прогнозе как «Русского термидора», так и «Русского брюмера». Послереволюционное российское общество стало развиваться по иному сценарию. Компромисса с большевистской властью найти не удалось. Заслужить признательность в эмигрантской среде – тоже. Вместе с тем безусловная историческая заслуга «сменовеховства» состояла в том, что его представители осознали и довели до сознания русской политической эмиграции следующие идеи:

1) что Октябрьская революция 1917 г. явилась не бунтом, не заговором кучки экстремистов, а подлинной «великой революцией»;

2) что эта революция имеет «глубокий национальный характер»;

3) что, вопреки своей воле, большевики, отчасти, делают нужное для национальных интересов дело (территориальное и экономическое восстановление страны и ее оборонно-промышленного потенциала).

В 1921 г. на политическую арену эмиграции выдвигается группа «евразийцев». В основном, это наследники идей Данилевского и Леонтьева, наследники всего, что в русской мысли отталкивалось от демократического, «мещанского» За-

пада и утверждало особый путь России. Родоначальниками и интеллектуальными вождями его стали относительно молодые (им не исполнилось еще и сорока) ученые: филолог и лингвист Н.С. Трубецкой, музыковед и публицист П.П. Сувчинский, географ и экономист П.Н. Савицкий, правоведы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев. Философ-богослов Г.В. Флоровский, историк М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. В последующие годы кое-кто, как например, Флоровский, отошли от этого движения, в то же время был постоянным приток новых людей, среди которых: Н.А. Клепинин, П.М. Бицилли, Н.П. Толь, В.П. Шапиловский и др.

«Евразийцы» начали свою издательскую деятельность в 1920 г. в Софии с издания сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». А затем выпускали монографические труды и тематические сборники: «Евразийская хроника» (Берлин, затем Париж; вышло 12 выпусков с 1925 по 1937 гг.), «Евразийский временник» (Берлин, Париж, вышло 4 выпуска), «Евразийский сборник» (Прага). В 1928–1929 г. они издавали в Париже еженедельную газету «Евразия» (вышло 35 номеров).

К программным документам евразийства необходимо отнести манифесты: «Евразийство. Опыт системного изложения» (Париж, 1926) и «Евразийство. Формулировки 1927 г.» (Париж, 1927).

Политическое течение евразийцев просуществовало до начала Второй мировой войны. Организационный развал начался гораздо раньше, и одной из его причин была активная деятельность за границей советских спецслужб. Организация теоретиков, пытавшаяся создавать политическую структуру и перенести работу из эмиграции в Россию, попала в орбиту операции «Трест»^{15,16}. Разоблачение фиктивной, якобы антисоветской и подпольной организации «Трест» нанесло удар по движению евразийцев.

В историографии «евразийство» рассматривают «одной из ветвей более широкого движения, получившего название сменовеховства», его «правым флангом, идейно смыкающимся с монархическими группировками и другими крайне правым движениями»^{17,18}, или, напротив, совершенно отдельным от «сменовеховства» политическим течением¹⁹.

Сами же «евразийцы» в идейно-политическом плане относили себя к «пореволюционерам»: «Евразийство есть российское пореволюционное политическое и духовное движение, утверждающее особенности культуры Российско-Евразийского мира»²⁰. В политическом отношении они считали себя «непредрешенцами», т.е. людьми, у которых отсутствуют какие-либо партийно-политические симпатии. «Внешние формы, не вмещающая полноты процесса, – считали они, – имеют значение второстепенное, хотя и важное. Так как есть формы более совершенные и длительные»²¹.

Существенно большую роль, по их мнению, играет содержание «идей-правительниц», т.е. господствующей в обществе доктрины-идеологии, «и в формулировании ее... обращенной к конкретной действительности сегодняшнего дня»²². Поиски они считали главной задачей своей деятельности. Также важна, по мнению «евразийцев», сила, организующая общество в параметрах «идей-правительниц»: «Теоретическая разработка идеологии нужна, но не в ней центр тяжести. Необходимо создать новую партию, которая являлась бы носительницей этой новой идеологии и смогла занять место коммунистической»²³.

Мысля новую партию как преемницу большевиков, евразийцы придавали партию партии совсем новый смысл, резко отличавшийся от политических партий в Европе. «Она – партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других та-

ких же партий. Она – государственно-идеологический союз; но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией. Формально нечто подобное этому представляет собой итальянский фашизм, лишенный, впрочем, глубокой идеологии: но, разумеется, большую аналогию дают сами большевики...»²⁴.

Не придавая значения четким формам будущего государственного устройства России, евразийцы видели общую историческую тенденцию в том, что на смену старым, во многом искусственным моделям правления придет «органическая», при которой государственный строй отличается максимализмом, он требует, чтобы власть была максимально сильна, но чрезвычайно близко стояла к народу²⁵.

Евразийцы были убеждены, что «всякое современное размышление о грядущих судьбах России» должно определенным образом ориентироваться относительно уже сложившихся в прошлом способов самой постановки русской проблемы: «славянофильского» или «народнического», с одной стороны, «западнического» с другой²⁶.

В период формирования концепций евразийства в 1921 г. Н.С. Трубецкой определял положение евразийской идеологии относительно «славянофильской» и «западнической» постановки проблемы следующим образом: «Мы совмещаем славянофильское ощущение мировой значительности русской национальной стихии с западническим чувством относительной культурной примитивности России в области экономической и со стремлением устранить эту примитивность»²⁷.

С той же надеждой на исполнение Россией великой исторической миссии, что и большевики, в предисловии своего первого сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» евразийцы провозглашали: «Мы чтим прошлое и на-

стоящее западноевропейской культуры, но не ее мы видим в будущем... С трепетной радостью, с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне мы чувствуем вместе с Герценом, что ныне история толкается именно в наши ворота. Толкается не для того, чтобы породить какое-либо “зоологическое” наше “самоопределение”. Но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия так же раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего»²⁸.

Проблеме исторических судеб большевизма и его преодоления «евразийцы» уделяли внимание на протяжении всего периода существования своего движения. В 1922 г. в сборнике «На путях. Утверждения евразийцев. Книга вторая. Статьи: Петра Савицкого, А.В. Карташева, П.П. Сувчинского, кн. Н.С. Трубецкого, Г.В. Флоровского, П. Бицилли» (Берлин, 1922) была помещена весьма показательная статья Г.В. Флоровского «О патриотизме праведном и греховном». Автор статьи доказывал: «Как бы ни относиться к программе большевиков в смысле ее соответствия реальным потребностям исторической жизни, необходимо признать верность руководящего ими инстинкта: они поняли, что нужно ломать и созидать заново»²⁹.

Далее Г.В. Флоровский подверг резкой критике политические установки «дореволюционной» эмиграции: «В основе ходячего “неприятия” революции лежит в сущности антиисторический постулат действовать так, как будто с определенного момента жизнь и история остановилась и в некотором хронологическом интервале “ничего не случилось”, так что грядущую деятельность надо примыкать к какому-то, произвольно выбираемому, моменту прошлого, а не опираться ее на конкретное сочетание сил и возможностей, которое реально сложится ко времени настоящего “открытия действий”»³⁰.

Приняв непреложный факт свершившейся российской революции за позитивно

закономерный (для «сменовеховцев» факт был скорее негативно закономерным), «евразийцы» считали, что «по внутреннему заложенному в нее, но не раскрытому ее смыслу», она была не социалистической, а «евразийской»³¹.

«Национальная» же миссия большевиков, по мнению евразийцев, заключалась в том, что они изолируют Россию от Запада, «находящегося в серьезном духовном и социальном кризисе», вопреки своим политическим целям, вывели страну на самостоятельные духовные пути («...Хотя и служа коммунистическому интернационалу, она (революция) силою вещей не может не проводить, в основном, евразийской внешней политики, защищая интересы того культурного целого, которое носит имя России-Евразии»)³².

«Евразийцы» были глубоко убеждены, что только система обоснованных в их учении идей может привести к разрешению и снятию основных противоречий русского революционного процесса: «Российская революция изобличает следующие, присущие ей и в ней раскрывающиеся противоречия: формально революция есть процесс религиозный – искание последней земной правды и стремление во что бы то ни стало ее осуществить; но по теоретическим учениям своим Революция оказалась безрелигиозной и даже более того: противорелигиозной и богоборческой»³³.

Для преодоления противоречий революционного процесса евразийцы проповедовали «переключение революционной энергии» на созидательные цели и «евразийское», т.е. – «национальное углубление революции».

«Евразийцы» были первыми среди русских эмигрантов, кто определил характер своего движения именно как «пореволюционный», ибо, считали они, «его нельзя понять, не учтя факта Революции; его стремление и цели теснейшим образом связаны с развертыванием русского революционного процесса»³⁴.

Давая оценку «сменовеховству» и «евразийству» с точки зрения их исторических, прогностических просчетов, нельзя пойти мимо работы известного русского философа и публициста Николая Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», вышедшей в 1924 г. В подтексте этой работы содержится достойная отповедь как «сменовеховцам», так и «евразийцам», – всем, кто помышлял и до сих пор помышляет о судьбе нашего многострадального Отечества в терминах «величия», не осознавая произошедшей с Россией и ее народами непоправимой катастрофы. Книга оказалась среди образованной части европейского общества не менее популярной, чем «Закат Европы» Освальда Шпенглера. Бердяев писал: «“Новое средневековье” было переведено на 14 языков... Эта маленькая книжка, в которой я пытался осмыслить нашу эпоху и ее катастрофический характер, сделала меня европейски известным. Сам я не придавал такого значения этой книжке, но в ней я, действительно, многое предвидел и предсказал. У меня есть острое чувство судеб истории, и для меня это противоречие, потому что я мучительно не люблю истории»³⁵.

Подтверждают оценку Н. Бердяева и мнения российских эмигрантов, на которых эта книга оказала действительно большое влияние: «В те годы “Новое средневековье” явилось как раз тем, что было нужно уязвленному эмигрантскому сердцу. Вероятно, ни одна книга не оказала такого пагубного влияния на младшие поколения эмиграции, как именно эта. Из вторых и третьих рук, через литературу евразийцев, национал-максималистов, младороссов и других пореволюционных течений, идеи “Нового средневековья” попадали в сознание даже тех эмигрантов, молодых людей, которые никогда этой книги не читали»³⁶.

Что же «предвидел» и «предсказал» Н. Бердяев в «Новом средневековье»? «Либерализм, демократия, парламента-

ризм, конституционализм, юридический формализм, гуманистическая мораль, рационалистическая и эмпирическая философия – все это порождение индивидуалистического духа, гуманистического самоутверждения, и все они отживают, теряют прежнее значение. Все это отходящий день новой истории»³⁷.

Что же идет взамен? Где же завтрашний день человечества? «Человек выходит к общности. Наступает универсалистическая, коллективистическая эпоха... Итальянский фашизм не менее, чем коммунизм, свидетельствует о кризисе и крахе государств... И фашизм, единственное творческое явление в политической жизни современной Европы, есть в такой же мере новое средневековье, как и коммунизм»³⁸.

Россия, так и не выполнив, по мнению Н.А. Бердяева, своей основной исторической миссии – быть мировым объединителем «единого христианского космоса», – вошла, вслед за другими «цивилизованными» странами в новое средневековье, т.е. в своеобразное «новое варварство», «характеризующееся переразвитием государственного начала в общественной жизни и господством технократии»³⁹.

Почему это произошло? Потому, считает Бердяев, что русский народ не смог противостоять «исключительному интернационализму, истребляющему Россию, и не менее исключительному национализму, отделяющему Россию от Европы».

Часть пореволюционеров, признававших «глубокую органичность советской революции, ее всемирную историчность и национальную оправданность» (сменовеховцы) была убеждена в том, что все «антинациональное» рано или поздно будет отторгнуто Россией, что Русская революция «приведет через кровь и страдания к великому обновлению»⁴⁰. Для этого, полагали они, новой революции в России не потребуются. Рано или поздно остальной мир включит Россию в орбиту своего влияния, так сказать, выправит случайный зигзаг ее истории⁴¹.

Другие, напротив, считали, что вслед за «буржуазно-демократической» и «коммунистической» революциями начинается этап «национального углубления революции», который перерастет в «необходимость свершения в России новой – национальной революции (национал-революционеры)»⁴².

Как правило, определение – «национальные», политические организации используют для обозначения характера своей борьбы за национальную независимость своего народа и своей страны. В российской эмиграции определение «национальные» значило, прежде всего, – «антисемитские»⁴³. В их представлениях «Россия Национальная» была в первую очередь «Россией, освобожденной от засилья еврейской власти»⁴⁴.

Так, в борьбе против «исключительного интернационализма», которым соблазнили большевики, некоторые русские эмигранты соблазнились «исключительным национализмом», полагая, что в нем одном рецепт спасения России и русского народа.

Темы «антисемитские», «антимасонские», «русифобские»... поселились в российской публицистике и исторической литературе еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Но в российской эмиграции, особенно в первые годы ее существования, эти темы были одними из самых обсуждаемых: как на страницах эмигрантских журналов и газет, так и на специально устраиваемых диспутах и собраниях. Эти темы проникли на страницы программных документов различных эмигрантских организаций.

Одной из причин, приведших к созданию национал-революционного движения российской пореволюционной эмиграции была уверенность многих российских эмигрантов в том, что русский народ стал после революции нацией угнетенной, так что лишился свободы совести и духовного творчества. В этом мнении были едины как убежденные монархисты⁴⁵, так и убежденные социал-революционеры⁴⁶. Для

тех и других не было сомнений в том, кто привел «Святую Русь» к национальной катастрофе.

Четко формулирует эти настроения Василий Витальевич Шульгин, монархист, активный участник белого движения и политический лидер эмиграции: «...Тот, кто в условиях борьбы Белых с Красными не был антисемитом, тот, значит, не ощущал сущности дела, ибо он не способен был понять факта, выпиравшего совершенно явственно: организующей и направляющей силой в стране Красных были евреи»⁴⁷.

В контексте «еврейского вопроса» в эмигрантской среде активно обсуждалась проблема масонов – представителей тайных, крайне могущественных (в финансовом и политическом отношениях) организаций, которые якобы стояли за ширмой «российской трагедии» в качестве ее подлинных сценаристов и режиссеров. При крайней скудости правдивой информации о тайных религиозных организациях Запада версия о «масонском следе» в русских событиях 1917–1920 гг. обрела столь фантастическими домыслами, о которых даже неловко говорить.

Так или иначе, антисемитская и антимасонская подкладка национал-революционных русских эмигрантских организаций не вызывает никаких сомнений, являясь в то же время не более оригинальной и глубокомысленной, чем у немецких, итальянских, французских и прочих воинствующих националистов.

В Вестнике Высшего монархического совета (№ 7, 28 апреля 1927 г.) – «Двуглавый Орел» была напечатана заметка – «Колыбель патриотизма», которая рассказывала о возникновении при Юридическом факультете Харбина студенческого общества, и создании при нем российской фашистской организации: «Ничего нет удивительного, что сыновья героев, а некоторые и сами – участники священной войны за Россию, несмотря на крайнюю бедность свою и прочие невзгоды, время

своего изгнания посвятили на то, чтобы закалить свой дух для последней решительной борьбы.

Будучи объединены первоначально лишь на почве изыскания средств для учения, они вскоре же осознали необходимость связаться между собой более прочными узами для изучения причин постигших нас бед и для накопления сил спасения России. В результате все это вылилось в Российское фашистское движение. Организация примерно состоит из 300 студентов, т.е. половины числящихся на юридическом и экономическом отделах Юридического факультета. Почти все они входят в общество “фашистов”. Сюда же примыкают около половины студентов Политехнического института и некоторых других учебных заведений. В общей сложности всего харбинских фашистов можно считать около 500 человек»⁴⁸.

В Югославии в конце 1920-х годов был создан «Национально-Трудовой Союз Нового Поколения». На допросе 1 ноября 1944 г., находясь в московской тюрьме, один из организаторов и впоследствии генеральный секретарь Союза, М. Георгиевский рассказал об истории его создания: «Вначале Союз назывался «Союзом Национальной молодежи», или как их в шутку называли «нац. мальчики» и вошел в состав монархического Российского Общевоинского Союза (РОВС). С момента его возникновения он возглавлялся Байдалаковым В.М., бывшим корнетом Изюмского кавалерийского полка, окончившим в Белграде университет по сельскохозяйственному факультету. В 1929 г. я встретился с Байдалаковым, инженером Зинкевичем и другими. В беседе они рассказали, что при РОВСе имеется «СНМ» и они являются его руководителями... Считая РОВС организацией реакционной, и методы борьбы РОВСа при советской власти непригодными, я считал, что восстановить старую Россию невозможно, а потому поставил вопрос о создании новой организации, которая бы вела против со-

ветской власти иную, идеологическую борьбу, за создание другого государства на иной социальной основе. Я считал, что в России должна быть восстановлена не монархия, не старые социальные отношения. А новое государство, основанное на социальной справедливости⁴⁹.

Организаторами и активными участниками русских национал-революционных организаций, как правило, были молодые эмигранты. Незавидной была их участь: часто нищенские условия существования, проблемы получения высшего и специального образования, постоянные поиски работы и жилья и, конечно, униженность человека без гражданства и подданства. Небольшая часть молодых русских эмигрантов первого поколения ассимилировалась в национальной среде, но в подавляющем большинстве своем страдала мучительной ностальгией по утраченной Родине. Поначалу эмигрантская молодежь испытывала идейное влияние представителей старшего поколения.

Однако время шло, и новая смена выбиралась из этого плена с горьким чувством обманутого сына в душе. Действительно, сколько тяжких поражений, сокрушенных надежд, рухнувших иллюзий, ошибок. Неотвратно слабел гипноз преданий, бледнели образы прошлого.

«Остатки радикальной интеллигенции – старшего поколения, очутившегося в эмиграции, не пользовались среди молодежи никаким влиянием. Скорее наоборот. Уход молодежи от них начался еще в годы гражданской войны. Уже тогда “правое” перестало быть символом зла и реакции, а “левое” в свете большевистского террора перестало быть притягательным и питало часто чувства горечи и отталкивания»⁵⁰.

Немногочисленные, но активные группы кадетов, эсеров и меньшевиков в первые годы эмиграции издавали основную массу эмигрантских газет и журналов, их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Но эти остатки демократической и

социалистической интеллигенции не имели влияния на эмиграцию и были окружены враждой большинства эмигрантов⁵¹.

Вражда эта основывалась на убеждении, что интеллигенция «сделала» революцию, и потому несет ответственность за все ее ужасы и разрушения, и именно она, ее политика привела большевиков к власти⁵².

Этому отходу способствовал «рост религиозных настроений» в российской эмиграции: «Русское религиозно-философское возрождение начала века продолжалось и в эмиграции, приобрести здесь может быть, даже большую способность вербовать души людей. Измученным, бездомным, изгнанным, видевшим гибель всего дорогого, всего составляющего смысл жизни нужна была опора в чем-то большем, чем смотреть, и они обращались к православной церкви, как к вечной святине потерянной страны отцов»⁵³.

Вместе с разочарованием в Западе, начавшемся еще в период Гражданской войны, у бесподанных и ненужных на Западе людей росло желание всем доказать, что, несмотря на теперешнее свое унижение, Россия духовно гораздо выше Европы и имеет особое, великое, мессианское призвание.

Перед людьми, пришедшими на смену, стояла задача указать новые пути более быстрого и верного достижения тех целей, которых не достигли их предшественники. Каков же политический облик этой эмигрантской среды? Политические разногласия разделяли не только старых, но и молодых людей эмиграции. И у Миллюкова, и у Струве, да и у Керенского, помимо пожилых, были и молодые последователи. Не редки были молодые политики в монархической среде.

Но едва ли можно отрицать, что более характерны для молодого зарубежья были иные настроения, те самые, которые названы были «пореволюционными».

«Зарубежные дети хотят быть “пореволюционными” – это одно из их завет-

ных стремлений. Они не очарованы прошлым, не ноют по милым призракам и не хотят реставрации. Они рассуждают о “синтезе” дореволюционного тезиса с революционным антитезисом. Революция для них – не срыв, не жупел. Не постыдное историческое недоразумение, а громадный и осмысленный, хотя и страшный факт русской истории. Они чают плодотворного завершения революционной эпохи. Они проникнуты русским патриотизмом, но в то же время не чуждаются также интернациональным веяниям нашего века. Его универсалистических возможностей, подчас воспринимая их в духе вселенской идеи прежнего славянофильства. Вслед за старыми “Вехами” отцов они упорно проповедуют “примат духовного начала перед материальным” и выдвигают на первый план идею духовно-культурной миссии России. И тут снова – их своеобразное касание миру русской революции. Но, с другой стороны, и большевистский

коммунизм во многом для них неприемлем. Их отделяет от него, прежде всего, марксизма – материалистический его облик. Они принимают проблематику русской революции, но отвергают ответы его текущего этапа и мечтают о “равновеликом преодолении большевизма”. Они утверждают новую “конструктивную пореволюционность”⁵⁴.

Давая характеристику пореволюционных политических течений, Н.В. Устрялов останавливается на одном из набирающих силу и популярность в среде эмигрантской молодежи: «...На очень дурной путь, к сожалению, стал единственный интереснейший невозвращенец Дмитриевский – в своей проповеди “национальной революции”. Худо, если он соблазнит некоторое количество малых сил и без того склонных к соблазну. Речь явно идет о русском Гитлере, о фашистских “национал-коммунистических” кадрах в зарубежье»⁵⁵.

Примечания

- 1 Бердяев Н.А. Новое средневековье. – М.: Феникс, 1992. – С. 22.
- 2 Периодический бюллетень Представительства Объединения пореволюционных течений на Юге Франции. – Марсель, 1935. – № 3. – С. 6.
- 3 Там же. – С. 7.
- 4 Утверждения. – Париж, 1932. – № 3, август.
- 5 Там же. – С. 117.
- 6 Там же. – 1933. – № 1. – С. 119.
- 7 Там же. – С. 118.
- 8 Миссия русской эмиграции. – М.: Родник, 1994. – С. 114.
- 9 Устрялов Н.В. Сдвиги Милокова. – Харбин, 1934. – С. 45.
- 10 Устрялов Н.В. Под знаком революции. – Харбин, 1934. – С. 111.
- 11 Там же. – С. 253.
- 12 Новости жизни. – Харбин, 1920. – 13 авг.
- 13 Устрялов Н.В. Под знаком революции. – Харбин, 1934. – С. 67–68.
- 14 Там же. – С. 69.
- 15 Миссия русской эмиграции. – С. 212.
- 16 Никулин Л.В. Мертвая зыбь. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – С. 269–271.
- 17 Миссия русской эмиграции. – С. 223.
- 18 Там же. – С. 227.
- 19 Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. – С. 5.
- 20 Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. – София, 1921. – С. 332.
- 21 Там же. – С. 33.
- 22 Пути Евразии. – С. 13.

- ²³ Исход к Востоку. – С. 313.
²⁴ Там же. – С. 394–395.
²⁵ Пути Евразии. – С. 6.
²⁶ Исход к Востоку. – С. 313.
²⁷ Там же. – С. 314.
²⁸ Евразийская библиография. 1921–1931: Приложение к книге «Тридцатые годы». – Париж, 1931. – С. 285.
²⁹ Евразийство. Формулировки. Тезисы. – Париж, 1932. – С. 10.
³⁰ На путях. Утверждения евразийцев. – Берлин, 1922. – С. 35.
³¹ Евразийская библиография. – С. 287.
³² Евразийство. Формулировки. – С. 10.
³³ Там же. – С. 10.
³⁴ Там же.
³⁵ Бердяев Н.В. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). – Париж, 1949. – С. 274.
³⁶ Варшавский В. Незамеченное поколение. – М.: ИНЭКС, 1992. – С. 39.
³⁷ Бердяев Н.В. Новое средневековье. – М.: Феникс, 1992. – С. 20.
³⁸ Там же. – С. 21.
³⁹ Там же. – С. 22.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Периодический бюллетень Представительства Объединения пореволюционных течений на Юге Франции. – Марсель, 1935. – № 3. – С. 6.
⁴² Утверждения. – Париж, 1932. – № 3, август.
⁴³ Там же. – С. 117.
⁴⁴ Там же. – С. 118.
⁴⁵ Листовка «Дальневосточного монархического объединения». – Харбин, 1938. – Центральный архив ФСБ России.
⁴⁶ Национальный Союз Нового Поколения, издание Исполнительного Бюро Совета Союза. – Б.м., 1935. – С. 40.
⁴⁷ Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. – СПб., 1992. – С. 71.
⁴⁸ Двуглавый Орел. – Берлин, 1927. – № 7, 28 мая.
⁴⁹ Центральный архив ФСБ России. Следственное дело М.А. Георгиевского.
⁵⁰ Варшавский В. Указ. соч. – С. 67.
⁵¹ Там же. – С. 69.
⁵² Там же. – С. 70.
⁵³ Там же. – С. 71.
⁵⁴ Утверждения. – Париж, 1932. – № 3, август. – С. 109.
⁵⁵ Там же. – С. 113.